

ЕЛЕНА ЗЛОБИНА,

доктор социологических наук, заведующая
отделом социальной психологии Института
социологии НАН Украины

ВСЕВОЛОД ТИХОНОВИЧ,

кандидат философских наук, ведущий науч-
ный сотрудник отдела социальной психоло-
гии Института социологии НАН Украины

Традиционализм и инновация в украинском измерении¹

Abstract

The article deals with theoretic and methodological principles for research of national society-state becoming into being in the transitional stage of transformational changes in Ukraine. A special attention is focused on the dichotomy of tradition / innovation as a fundamental factor of the formation of new subjectivity in the Ukrainian society, which has no analogue in the history of Ukraine. The author analyses functional peculiarities of action and interaction as well as forms of traditionalism and innovations in mental structures of society, emphasizes the role of Ukrainian language as a material and spiritual keeper of historical tradition of the Ukrainian folk and national symbol, and, finally, compares to what extent the types of personality called as "traditionalist" and "innovator" in Ukraine and other European countries have spread.

---

¹ В статье использованы эмпирические данные, полученные в опросе, проведенном в рамках проекта Европейское социальное исследование (ЕСИ) (руководитель проекта — профессор Лондонского университета Роджер Джоуэл).

Данные приводятся из репрезентативного для взрослого населения Украины опроса, осуществленного в марте–апреле 2006 года в Институте социологии НАНУ. Участники украинской части проекта: Е. Головаха — национальный представитель в Исполкоме ЕСИ; А. Горбачик — национальный координатор; Н. Панина — эксперт по методам и организации сравнительных социологических исследований.

Проект поддержан Президиумом НАН Украины и выполнен по гранту Международного фонда "Відродження" № 2500371 от 01.03.2005 года.

Наблюдение за динамикой общественных изменений, происходящих с момента провозглашения государственной независимости Украины, все больше заставляет концентрировать научный поиск в направлении выхода за пределы “первичной” реальности, попавшей в поле отечественных социологических исследований в течение последних лет и связанной прежде всего с феноменами социально-экономического и социально-политического характера и отражением их в массовом сознании, ориентациях и поведении населения. Разумеется, в действии названных феноменов не приходится сомневаться и сегодня, тем более, что и оно, это действие, во многом приобретает новейшие способы и формы, обусловленные, хотя противоречивым и медленным, но все же продвижением к рыночным отношениям и демократическим институтам и практике, то есть к утверждению нового общественного строя в Украине.

В последний период появилось немало работ исторического и культурологического содержания, однако в них процесс трансформационных изменений в Украине представляется в основном в сугубо фактологичной форме, без углубления в его внутренний общественный механизм, связанный с действием фундаментальных социальных основ жизни социума и индивида, их прошлого, настоящего и будущего.

В этом контексте с особой остротой, по нашему мнению, встает проблема традиционных (общепринятых) и новейших побудительных механизмов жизнедеятельности общества, его жизнеспособности и потенциала развития, как и выяснения, собственно, функционального содержания этих факторов в условиях недавно возникшего, нового на просторах Европы национального государства, представляющего собой, по мнению некоторых зарубежных социологов, такой общецивилизационный конструкт, который ныне уже почти исчерпал свой социальный ресурс и уходит в прошлое, уступая место современным (постмодерным) образованиям.

Впрочем, такого мнения придерживаются не все. “Общества имеют тенденцию быть “национальными”, — подчеркивает Э.Шилз. — Современные “национальные” общества — общества, претендующие на то, что они служат воплощением национального единства и обладающие своими собственными национальными культурами, своими собственными, скорее независимыми, чем зависимыми, экономическими системами, своими собственными системами правления, своим собственным генетическим самовоспроизводством и своим собственным суверенитетом над территорией, обозначенной границами, — представляют собой наиболее самостоятельные из всех социальных систем, известных нам из истории человечества, самые независимые общества своих эпох” [1, с. 345].

Цитируемая статья Э.Шилза опубликована в сборнике трудов американских социологов под редакцией Т.Парсонса в 1968 году, и с тех пор, безусловно, произошли значительные изменения в геополитических измерениях общественных процессов, и прежде всего глобализационных. Однако представляется, что западноевропейскоцентристские концептуальные установки западных специалистов, не только социологов, ориентированных в первую очередь на завершенность процесса становления национальных обществ и национальных государств в Европе, не учитывают того важного объективного обстоятельства, что формирование именно национальных государств в мире не завершилось, и очевидно, завершится нескоро, учиты-

вая новейшие модификации под влиянием глобализационных тенденций и общей соизмеримости политических сил в мире.

Итак, основная задача статьи — очертить, по крайней мере предварительно, некоторые особо актуальные теоретико-методологические концептуальные основания исследования весьма сложного процесса становления национального государства на нынешнем напряженном этапе преобразований в Украине, выделив в качестве основного предметного поля дихотомию традиции/инновации, отражающую глубокую внутреннюю динамику этого процесса.

Объективно попав в пестрый поток “догоняющей модернизации” (вместе с другими бывшими республиками СССР и не только), Украина, на первый взгляд, оказалась перед дилеммой: либо “задрать штаны” (С.Есенин) бежать за уже сформировавшимися (“современными”) нациями-государствами, следуя зарубежному опыту и социальным образцам (а возможно, и модифицируя их), либо взяться за возрождение (реставрацию) собственной, украинской, идентичности в различных ее измерениях — общегосударственных, региональных, групповых, личностных и т.п.

Однако рассмотрение этой ситуации как дилеммы было бы по меньшей мере сомнительным, учитывая, что проблема украиноцентризма именно как интегративного феномена обусловлена исторически и актуализирована, опять-таки, в значительной мере исторически сложившимися, но модифицированными, а то и новейшими детерминантами, влияниями и коррекциями как внутреннего, так и внешнего происхождения. Другая сторона этого видимого противоречия заключается в том, что попытка привить новые разветвления и структуры к унаследованной и во многом лишь декоративно измененной системе — операция крайне болезненная, чреватая возможными осложнениями и расстройствами. Иначе говоря, речь идет не о дилемме, а о противоречивом переплетении и взаимной обусловленности традиций и новаций в их специфическом воплощении в современном украинском обществе и современной украинской личности как главных субъектах качественно нового этапа украинской истории с пока неопределенным (как достигнутая цель или реализованная национальная идея) финалом.

Не обойдем вниманием того обстоятельства, что в мировой обществоведческой (в том числе и социологической) мысли понятие традиции бытует как в его латинской этимологии, содержание которой предполагает передачу, наследование тех или иных материальных и духовных объектов-ценностей, собственно процесс социального наследования, его способы и средства, так и в значении традиционализма как специфической идеологии, которая способна, по мнению некоторых западных политологов и культурологов, стать чуть ли не марксизмом XXI века, а приобретая форму религиозно-фундаментализма, может угрожать своими экстремумами всему человечеству. Вспомним также, что в социологической литературе используется понятие “традиционное общество”, охватывающее круг процессов и явлений специфического нормативного регулирования, базирующегося на обычаях и ритуалах, унаследованных от первобытных обществ. Наконец, как замечает польский социолог Е.Шацкий, “традицией может стать все — даже антитрадиционализм” [2, с. 68].

В нашем случае речь идет о традиционализме как современном явлении, связанном с присутствием “вчерашнего в сегодняшнем”, а точнее, о необходимости выяснения направлений и способов перенесения и сохранения в

современном украинском обществе, в частности в массовом сознании и социальных практиках населения, ценностных ориентиров, социокультурных образцов, которые в ходе социальных изменений выступают в форме: а) органической связи эпох и поколений в рамках стихийного (латентного), объективного процесса человеческой жизни; б) целенаправленного, осознанного, нормативно обеспеченного и регулируемого процесса целерациональной деятельности, социальной и культурной политики, воспитания и т.п. То есть традиционализм выступает здесь как объективно-субъективный фактор общественных отношений, как составляющая общего механизма их функционирования, сфокусированная в краткосрочных временных интервалах эпохи украинской независимости и касающаяся особо актуализированных коллизий.

Как первый, так и второй аспект анализа требуют учета некоторых общих параметров проблемы. Закономерное стремление украинских граждан достичь стабильности, определенности, социального порядка и предсказуемости жизни не требует дополнительных пояснений. Распространенной в современном массовом сознании, да и в ориентациях официальных институтов является установка на устойчивые европейские образцы, оценку жизни в странах развитой демократии как стабильной и заслуживающей наследования по крайней мере как модели достижения. Между тем, по мнению самих западных авторитетов, глубинное течение общественных изменений в этих странах отмечено во многом именно быстротечностью, непредсказуемостью и нестабильностью, обусловленными как политико-экономическими тенденциями рыночной глобализации, так и новой расстановкой сил в мире. «Неопределенность наших дней является могущественной индивидуализирующей силой. Она разделяет, вместо того, чтобы объединять, и поскольку невозможно сказать, кто может выйти вперед в этой ситуации, идея «общности интересов» оказывается все более туманной, а в конце концов — даже непостижимой» [3, с. 30–31]. Перенесенные на уровень индивидуальной жизнедеятельности, эти обстоятельства обуславливают ситуацию, когда достигнутый уровень жизни, социальное положение, признание права на собственное достоинство личности «могут исчезнуть все вместе и без предупреждения». Личность заслоняет периодически сменяемая маска, а биография распадается на серию эпизодов, сохраняющихся лишь в эфемерной памяти. «Таким образом, в современном мире мало что может считаться плодотворным и надежным, напоминающим плотно сотканную основу, в которую можно вплести маршрут собственной жизни», — приходит к пессимистическому выводу З.Бауман [3, с. 109].

Не удивительно, что этот процесс сопровождается существенными изменениями во многом латентном процессе социальной идентификации. Комментируя наблюдения и выводы З.Баумана и привлекая к анализу проблемы результаты собственных исследований, Е.Данилова и В.Ядов выносят в заголовок своей статьи в «Социологических исследованиях» симптоматичный тезис: нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ [4]. В России, как и, по нашим данным, в Украине, самая большая стабильность идентификаций наблюдается лишь в кругу близких людей, что, собственно, и является устойчивым базовым комплексом социального самоопределения. «Активность в обустройстве собственной жизни, ориентация на частную жизнь в наше время отличает развитые общества... Именно таков лейтмотив современного концептуального осмысления на-

шего мира”, — подчеркивают названные авторы [4, с. 28]. При этом, обратим внимание, в российском обществе констатируется наличие идеологического и ценностного раскола на традиционалистов и прозападников, известно, правда, в несколько иной конфигурации, еще с XIX века.

Заметим, что З.Бауман, освещая проблему идентификации на широком социальном и социально-психологическом фоне, в частности, в связи с ростом межэтнических и межрелигиозных противостояний во многих западных странах, акцентирует свой главный тезис: всеобщая консолидация как шанс заключается не в попустительстве возрождаемому этническому подходу и не в реальных или выдуманных племенных традициях, а в фокусировании внимания на праве выбора собственной идентичности как на единственном универсальном праве гражданина и человека, на личной ответственности за этот выбор [3, с. 119].

Артикулированная Бауманом альтернативность традиционализма и суверенности индивидуальной идентичности, разумеется, вполне согласуется с европейской демократической традицией в понимании личности как субъекта жизни. Вместе с тем современная европейская ситуация убеждает в необходимости поиска новых путей преодоления деструктивных последствий, связанных именно с имплицитными недостатками демократизма, потенциально способного дестабилизировать общественную солидарность и целостность всего общества. Тем более, когда дело касается, по сути, нового общества, в котором особым образом актуализуются проблемы общенациональной идентичности как предпосылки единства и государственной суверенности.

Украинское общество так или иначе испытывает влияние общемировых тенденций и следствий сродства исторической судьбы с другими странами СНГ. Но не будем забывать и о собственных особенностях и “наших” проблемах. Скажем, вряд ли будет научно корректно переносить обозначенную выше социологическую типологию традиционалист/прозападник на украинскую почву. Как социальный феномен традиционализм в России связан прежде всего с имперской идеологией досоветской и советской эпохи с ее собственно российским ведущим компонентом. Понятийный (и сущностный) парадокс заключается в том, что в украинской ситуации украинский национально идентифицированный традиционалист является одновременно и прозападно ориентированным.

Значительное внимание в России привлекают сегодня и особенности функционирования некогда живучей российской общины как ячейки общественного взаимодействия, фактически отсутствующей в такой ее форме в украинской традиции. Существует также немало других отличий российской и украинской ситуаций, при всей схожести и общности во многих других измерениях. Актуально, в частности, выяснение феномена отсутствия в украинской ментальности и практиках тех или иных традиций как локального, так и социетального содержания, потенциальных пользы или вреда от этого обстоятельства.

Для выяснения названных и сопутствующих проблем важно прежде всего понять механизм “жизни и смерти традиции”, выделить признаки ее функционирования и ее собственные социальные функции. К последним, по нашему мнению, относятся:

- трансляционная функция передачи/наследования социального опыта общества, сохранение его временной непрерывности и целостности

- ти с помощью проверенных и оправданных в социальных практиках способов деятельности и способов восприятия мира;
- функция сохранения социальной энергетике общества благодаря стереотипизации и генерализации приемов освоения жизненного мира и высвобождения возможностей общества для освоения новой реальности, являющейся результатом действия объективных процессов естественного и антропогенного характера;
  - защитная функция как орудие сопротивления внешним влияниям, угрожающим качественными изменениями и потерями аутентичных социетальных и групповых характеристик;
  - мобилизационная функция, опирающаяся на аналог и образец в обстоятельствах актуализации роли социальных идентитетов как средств объединения общностей;
  - легитимизационно-адаптивная функция как способ оправдания социальных новаций и подтверждения их общности с предшественниками;
  - самоорганизационная функция, действующая за пределами институциональных субъектов или используемая ими как социальный капитал, сформированный в недрах стихийных взаимодействий;
  - функция исторической памяти как феномена массового сознания и компонента социализации личности;
  - ценностно-ориентационная функция, оптимизирующая процедуру выбора адекватных общественных и групповых решений в плане реализации актуальных потребностей и интересов;
  - информационная функция тиражирования и распространения общественного опыта в социальном пространстве;
  - функция межпоколенной генетической связи в процессе вовлечения новых генераций в совместные социальные практики и в устойчивый континуум образно-символического восприятия мира;
  - функция перемещения социально-статусных, этносоциальных и социокультурных признаков и символов в условиях горизонтальной и вертикальной мобильности и территориальной миграции;
  - консервативно-тормозящая функция как противодействие локальным и социетальным изменениям.

Время и социальные изменения в обществе вносят ощутимые коррективы в определение места, роли, ценности разных функций традиции, как и самого ее статуса, вплоть до исчезновения с социальной арены и перехода в плоскость исторических курьезов. Вместе с тем происходит и процесс “всплывания” традиций из исторического забвения, обусловленный необходимостью вовлечения их в актуальные социальные практики и, особенно в украинских условиях, освобождения от репрессивного состояния, вызванного волюнтаристскими методами авторитаризма на протяжении жизни целых поколений.

Разумеется, в этом процессе следует различать, с одной стороны, собственно нейтральный, очищенный от ценностных и оценочных наслоений вперемешку с политико-идеологическими, механизм функционирования выработанной в течение веков традиции как одного из способов жизни и выживания социума и, с другой стороны, наполнение этого механизма “живой плотью” конкретных образцов, образов, ценностных ориентаций, представлений об успехе и неудаче, способов общения, научных или художественных школ, субординацию и иерархию социальных статусов, вплоть до представлений о справедливости и несправедливости и счастье людей. Подоб-

ные тенденции имеют как объективную природу, выходят за рамки целенаправленного регулирования, так и субъективную — как один из факторов всеобщей эволюции, модернизации или реставрации. Сознательный отказ от той или иной “старой традиции” — первейший и наиболее информативный признак изменений (нередко обманчивый). Внедрение или собственно возникновение новой традиции требует немалого времени и значительного общественного потенциала, а также массовой поддержки (легитимации).

Дело в том, что традиция — групповой феномен в отличие от привычки, которая может приобретать и групповой (коллективный) характер, но прежде всего свойственна индивидуальному поведению. Групповой характер феномена традиции и явления традиционализма как характеристики группового сознания и поведения заставляет привлекать к рассмотрению особенности функционирования традиции в различных сферах общественной жизни и, соответственно, учитывать эту специфику в зависимости от направления и темпов развития данного общества, его социально-демографической и социальной структуры, этнокультурных и социокультурных предысторий и т. п. и собственно характеристик самого субъекта традиционного поведения.

Как известно, в обществоведческой литературе советских времен было принято рассматривать трудовые, боевые, семейные традиции прежде всего под углом их советской идеологической аутентичности или пригодности для такой идеологической проработки и приспособления к задачам партийной пропаганды и воспитательной практики. Задача укоренения в массовом сознании и поведении именно “советских традиций”, обычаев и обрядов в послевоенное время, особенно в 1960–1980-х годах, была возведена в ранг первоочередных. По наблюдению В.Аверьянова, эпоха социально-политического застоя в СССР была одновременно периодом глубокой обеспокоенности соввласти своими истоками, а отсюда, в идеологическом плане, активизацией поиска интеллектуальных средств выражения советской цивилизационной идентичности [2, с. 68].

Переоценку последствий революционных злоупотреблений в отношении культуры в 1920–1930-е годы сопровождал, однако, строгий партийный контроль на предмет реанимации “патриархальных”, прежде всего бытовых, традиций и обычаев, и особенно, в случае Украины, “рецидивов украинского буржуазного национализма”, который могли приписать любой сфере жизни и любым субъектам. В исследуемом контексте данная идеологическая тенденциозность, наряду с привлечением всей институциональной системы общества, включая государство, — это ничто иное, как традиционализм, то есть целенаправленная деятельность с целью воспроизводства, переработки прежних и внедрение новых традиций в общественную жизнь.

Как система и мировоззрение традиционализм пронизывает все общественные сферы — политическую, экономическую, культурную, религиозную. В этом плане важно определиться, во-первых, в какой мере возможен и присутствует традиционализм как регулятивный и ценностный феномен в украинских реалиях, прежде всего в каком направлении и с помощью каких средств действуют институциональные (официальные) и неформальные (гражданские) субъекты общества с целью распространения и утверждения исторической украинской идентичности в социуме или конфронтации с ней; во-вторых, выявить регионально-территориальные и социально-статусные различия и подобию в ходе национально-реставрационных новаций, поскольку в современных условиях и при наличии противоречивого совет-

ского наследия реставрация во многих смыслах выглядит и воспринимается как новация, не всегда желаемая и встречаемая с пониманием; в-третьих, при условии сохранения и развития мультикультурных тенденций в обществе, каким образом возможна гармонизация традиционалистских установок и поведения разных социокультурных групп населения; наконец, в-четвертых, в каких формах традиционализм вообще присущ украинской ментальности и современному массовому сознанию населения.

На таком исследовательском поле, как минимум, не должны потеряться те тонкие, в частности социально-психологические, субстанции и феномены, которые способны как ускорять, так и замедлять действие традиции, а значит, и ее социальную эффективность. Возьмем, к примеру, такую характеристику явления ментальности, как ее “краткосрочность” и “долгосрочность”. З.Бауман, касаясь, в частности, современных западных тенденций в сфере труда и потребления, замечает, что ментальность, ориентированная на достижение “долгосрочных” целей, основана на ожиданиях, вытекающих из опыта такого общественного, в частности межличностного, взаимодействия людей, которое многократно подтверждается устойчивой системой общественных связей и зависимостей. Впрочем, сегодня ситуация в мире меняется, и важнейшим элементом таких сдвигов становится появление новой, “краткосрочной” ментальности вместо “долгосрочной”. Эта тенденция проявляется в самых разнообразных сферах жизни в форме непрочности браков, многократной смены места работы и проживания, профессиональных ориентаций и т. п. “Место работы воспринимается как своего рода кемпинг, в котором человек останавливается на несколько ночей и который можно покинуть в любой момент..., а не как общий дом, где каждый обязан взять на себя труд по выработке приемлемых правил взаимодействия” [3, с. 31].

В наших условиях и “долгосрочная”, и “краткосрочная” ментальность имеют несколько иной вид, как и сферы их бытования. Народ и общество, а точнее, общества, пережившие в течение веков и десятилетий глубочайшие катаклизмы, огромные потери в рамках определенных поколений и социальных групп (“перепыханных поколений”, по выражению украинского публициста Ф.Моргуна), разрывы во времени и пространстве с угрозой лишиться самого права на собственное существование в мировом сообществе, должны культивировать такую “долгосрочную” ментальность, которая бы ориентировалась не только на будущее, но и на прошлое, поскольку без исторической памяти, как известно, нет и самого народа (в отличие от населения). Для восполнения таких пробелов и преодоления разрывов не избежать восстановления национальных традиций, служащих мостами из прошлого в настоящее.

Что касается “краткосрочной” ментальности, то в Украине она поневоле связана прежде всего с общественной нестабильностью и неопределенностью переходного периода, когда весьма непросто предвидеть ближайшие жизненные шаги, рассчитать бюджет времени и очертить жизненные планы на перспективу. К тому же эта “краткосрочность” нередко приобретает форму “краткосрочной цели”, когда человек сознательно пользуется установкой на ситуативное амбивалентное поведение и такими же ситуативными ценностными ориентирами. В таких обстоятельствах проследить традиционную линию поведения крайне сложно из-за отсутствия соответствующего алгоритма и устойчивых признаков. Ситуативность как типичная черта поведения — это проявление индивидуального стиля жизни, более всего присущего маргинальным группам, численность которых возрастает в переходные пе-

риоды жизни общества. Такие группы лишены того качества субъектности, которое способно обеспечить продуктивность традиционных приемов и средств в процессах общественной модернизации и трансформации.

Понятно, что нестабильность жизненной ситуации закономерно продуцирует нестабильность социальной идентичности, составной частью которой является социокультурная и этнокультурная неопределенность, которая, в свою очередь, оказывается благоприятной почвой для разного рода манипуляций со стороны тех или иных политических группировок. Опять-таки, неустойчивость идентичности как продукт последнего периода наслаивается на социокультурную схему, являющуюся специфическим советским наследием, иначе говоря, традицией.

Поэтому кроме упомянутых и других социально-временных параметров ментальности заслуживает внимания ее исторически сложившаяся многослойность. Так, рассматривая социально-пространственные структуры современного российского общества, Ю. Левада выделяет роль “корневой системы”, то есть типов сочетания собственно советских структур с предшествующими в зависимости от региональных особенностей. По его мнению, на советских социальных пространствах можно было наглядно проследить особенности “советско-российского”, “советско-азиатского” и “советско-западного” типов общества и общественного человека, различных по характеру того субстрата, на который накладывался “всесоюзный”, всеобщий, официальный шаблон. В регионах исламской культуры такой субстрат формировался из традиционных локальных, межличностных и межгрупповых отношений. На советском “Западе” он функционировал в форме индивидуалистической протестантской культуры. В собственно российских и русифицированных регионах в качестве субстрата можно рассматривать советские авторитарно-патерналистские рамки жизни, более всего приближенные к ограниченности запросов и потому наиболее жизнеспособные. Как отмечает Ю. Левада, именно советский субстрат в значительной мере сдерживает демократические преобразования в постсоветском российском обществе. “Не создав хоть какой-нибудь институциональной структуры, отечественная демократия — как тенденция, а не как движение или организация — оказалась зависимой от состояния “всероссийской массы” настроений и голосов” [5, с. 284].

Впрочем, последствия распада СССР, при всей схожести многих их черт в экономике и политической сфере, обусловленных, в частности, ликвидацией жесткого нормативного регулирования из единого государственного и партийного центра, оказались разными во вновь образовавшихся независимых государствах. Задача утверждения государственного суверенитета прежде всего требовала уточнения содержания и объема социального, символического и культурного капитала, накопившегося и сохранившегося на территориях независимых государств с советских и досоветских времен. Естественно, наиболее мобильными оказались символизационные формы и образцы социального процесса: в Украине национальный флаг, гимн, герб были извлечены из репрессивного спецхрана и возрождены для повседневного употребления, официальную и неофициальную легитимность получили замалчиваемые ранее национальные культурные ценности, имена и произведения, сами события национальной истории, да и собственно национальная история Украины, не тождественная, как считалось прежде, истории Российской империи и СССР.

Актуализация проблемы украинской национальной идентичности во всех ее измерениях, включая гражданское, выделила и заострила такие ее составляющие, которые раньше не могли попасть в поле активной социальной практики именно из-за несоответствия общесоюзным нормативам и идеологическим стандартам. Вместе с тем оказалось, что собственно украинская составляющая как сердцевина процесса толкуется, воспринимается и практикуется в большей или меньшей степени своеобразно разными этническими, территориальными, социокультурными сообществами. Во взаимодействии мультикультурных и интегративных практик преимущество оказалось на стороне первых. Причем существенную роль в возникновении такой тенденции сыграли разные по смыслу ментальные составляющие общественной психики, объясняемые как отдаленными, так и недавними влияниями. Среди наиболее фундаментальных выделилась функциональная роль украинского языка не только как первичного признака нации, но и в смысле материального и духовного носителя исторической традиции жизни украинского народа, национального символа. Социальная весомость этого феномена значительно возросла не только благодаря предоставлению ему конституционного статуса государственного и расширению социального пространства его функционирования, но и в связи с обретением им, по сути, новой функции атрибута независимого Украинского государства, а значит, выхода на арену, мягко говоря, политического дискурса. Поскольку в условиях современного трансформационного перехода идеологические противостояния практически исчезли или переместились на периферию групповых взаимодействий, в центре общественного дискурса оказались культурные феномены и культурные практики, время от времени выходящие за рамки собственно дискурса и превращающиеся в предмет политических баталий.

Поскольку в многонациональных структурах общественный статус языков, использование какого-либо из них непосредственно связаны с общественным статусом определенных этносоциальных групп, их местом и ролью в системе общественных отношений, исторически возникает статусная иерархия языков, которая консервируется социальной памятью, становится элементом этнических стереотипов и предметом разновекторной этнополитики. В Украине “традиционно”, при отсутствии украинской государственности, украинскому языку отводились второстепенные роли. Его использовали в более или менее крупных городах скорее как “местный” этнический колорит, а основной территорией его функционирования было украинское село. А село, как известно, никогда не находилось в авангарде общественного прогресса, в лучшем случае выступая в роли его (прогресса) аутсайдера или материального ресурса. Не удивительно, что в такой ситуации в общественных практиках украинский язык маркировал отсталость, консерватизм, архаику, “традиционность” именно в значении экономической и культурной отсталости.

Таким образом, в Украине, по крайней мере на первый взгляд, возникла серьезная противоречивость динамики изменений: одним из определяющих средств обновления страны должен выступать “архаичный инструмент”, а ведущим маркером государственности нации — не территория, границы, армия, правоохранительная система и т. п., а прежде всего государственность и широта применения украинского языка, который, если воспользоваться понятным конструктом Э.Шилза, должен стать главным звеном “центральной культурной системы”, или, если по С.Эйзенштадту, “центральной зоной культуры”.

Причем, как подчеркивает Шилз, “там, где центральная культурная система преимущественно отчуждается от центральной институциональной системы (власти. — *Е.З., В.Т.*) или же никогда не достигает единства с ней, центральная институциональная система утрачивает (либо вообще не приобретает) некоторую толику своей законности, а вместе с тем и своей способности мирно и эффективно осуществлять свою власть. Это приводит к резким конфликтам и подготавливает коренные изменения” [1, с. 348].

Используя по поводу противоречивости динамики изменений выражение “на первый взгляд”, следует внимательнее посмотреть на проблему. В ее подтексте иногда латентно, а порой весьма наглядно присутствует феномен русского языка, его статуса, языковых практик населения, информационного пространства, роли средства межэтнического общения и, что прежде казалось вполне очевидным, средства приобщения к мировой культуре. Между тем практически каждый из этих признаков требует, как минимум, некоторой коррекции, которая в своих принципиальных основаниях сводится к одному ведущему аргументу: все эти признаки и роли являются наследием прошлого Украины и в современном общественном контексте именно той традицией, которую нельзя игнорировать, но следует по-новому осмысливать и практиковать в независимом национальном государстве, если оно действительно имеет целью войти в круг цивилизованных современных наций как равноправный и суверенный соучастник.

С этой точки зрения развитие процесса, а соответственно, и его социологическое отслеживание должны обеспечиваться разработкой и последовательным выполнением государственных программ не только в области культуры и культурной политики, но и во всей институциональной реконструкции государства, в которой украиноязычная составляющая выполняет не только и не столько обслуживающую функцию, а является прежде всего тем культурным наследием-инновацией, которое характеризует само содержание становления государственности. При этом следует учитывать, что культурное наследие “обычно подвергается идеализации, становится комплексом освященных ценностей, символов, вызывающих эмоциональное отношение, а поэтому и фактором интеграции групп, средством их объединения, фактором их постоянства и устойчивости в периоды кризисов” [6, с. 45]. Чтобы этот общий тезис Я.Щепаньского оказался непосредственно применим к украинской ситуации и ко всему социуму, необходим комплексный системный подход к обновлению всей системы общественных отношений, с учетом их временных и пространственных параметров, а в итоге — формирование новой субъектности украинского общества, не имеющей аналога в украинской истории. Первоочередным приоритетом здесь является качественное совершенствование работы всей образовательной системы, особенно общеобразовательной школы, призванной обеспечить самое широкое практическое владение украинским языком выпускниками всех школ Украины, в том числе с преподаванием остальных предметов на иностранных языках. Если учесть, что с момента провозглашения независимости Украины прошло полтора десятилетия, то при условии профессионального выполнения школой и другими институтами обозначенных задач можно было бы избежать серьезных проблем с украинским языком для целого поколения молодежи разных национальностей и регионов проживания. К слову, заметим, что, согласно опросу 2002 года, украинский язык в общеобразовательной школе изучали 91% населения, что не мешает респондентам утверждать, будто свободно владеют

украинским языком всего 73,5% из них, частично владеют 22,3% и не владеют 4,1% [7, с. 613]. А согласно опросу 2006 года, знания украинского языка достаточно для 64,7% наших сограждан, недостаточно для 13,3%, а 5,6% это обстоятельство вообще “не интересует” [8, с. 45]. То есть имеем в итоге и недостаточную профессиональную эффективность преподавания, и, что не исключено, отсутствие искренности в некоторых ответах. Ведь речь идет прежде всего о бытовом использовании языка, а не о написании научных трактатов или художественных произведений. Вместе с тем дает себя знать недостаточность актуализации обществом, общественными запросами языковой практики больших групп населения, включая региональные.

Конечно, качество овладения языком во многом зависит от качества преподавания, а значит, подготовки преподавательского состава и, что не менее важно, от статуса учителя-словесника в школе в целом и в среде коллег в частности. Но более всего это качество, как доказывает жизнь, связано с отношением реципиента к предмету, которое, в свою очередь, обусловлено актуальностью потребности, жизненной необходимости такого знания. Последняя обусловлена социально, то есть запросами социальной практики как в ближайшем окружении, так и, подчеркнем, во всей институциональной сфере. Отсюда возникает необходимость параллельного курса: соответствующей подготовки новых поколений в процессе социализации, системной государственной помощи тем представителям среднего и старшего поколения, которые в связи с жизненными обстоятельствами не имели возможности изучать украинский язык, с одной стороны, и административного реформирования работы государственных организаций, документооборота, информационно-обеспечения, официального общения и т. п. — с другой. Государство должно выступать в роли проводника этого курса, обеспечивая одновременно соблюдение демократических норм и используя опыт других европейских стран. Не вызывает сомнений, что широкое включение украинского языка в современную управленческую, менеджерскую практику, устоявшиеся формы служебного общения, мировой информационный обмен будут обогащать его терминологический фонд и совершенствовать функциональные возможности, что и происходит с большинством языков мира. Когда нечто входит в обиход через повторение, через практику, вырабатывается соответствующий алгоритм процесса, обеспечивающего традиционное саморазвитие.

Разумеется, в переходном обществе специфические признаки приобретают взаимодействие традиции и инновации, формы и содержание самой инновации, ее объектов и субъектов, источников инновационного сознания и поведения, традиционализма и инновативности в ментальных структурах украинского общества.

Понятие инновации фиксирует прежде всего новизну явления, образца и т. п. Социологическая энциклопедия определяет инновации как явления, “отсутствовавшие на предшествующих стадиях развития, но появившиеся на данной стадии и получившие в ней признание (“социализировавшиеся”)” [9, с. 8]. В этом же ключе понятие “инновация” представлено и в Энциклопедическом социологическом словаре, где под инновациями понимают “такие явления культуры, которых не было на предыдущей стадии развития культуры этноса, но которые появились на данной стадии и нашли себе место в общей совокупности культуры” [10, с. 225]. Аналогично определяется термин и в культурологии, где инновация в культуре рассматривается как “новообразование, появление и распространение объекта или черты, ранее не имевшихся

в ее рамках. Она может являться результатом внутрикультурного изобретения или межкультурного заимствования” [11, с. 371]. Кстати, в научный оборот понятие было введено именно культурологами, которые еще в середине XIX века отмечали как инновацию введение (инфильтрацию) некоторых элементов одной культуры в другую. Речь шла прежде всего о внедрении европейских способов организации производства и жизнедеятельности в традиционные (архаические) азиатские и африканские общества, то есть об укоренении в культуре элементов, которые качественно отличались от устоявшихся, но, несмотря на это, усваивались традиционной средой.

В культурологическом контексте существует также понятие культурной инновации, под которой понимают “механизм формирования оригинальных культурных продуктов, обеспечивающих динамическое развитие конкретного типа культуры” [9, с. 369]. Тут имеется в виду выработка, синтезирование новых идей, создание новых моделей действия, ценностей, политических программ, которые зачастую имеют индивидуальный и неповторимый характер. Далее эти новые идеи распространяются в обществе, что создает предпосылки для социокультурных изменений.

Такое понимание инноваций было положено в основу начатого в 20-х годах прошлого века изучения закономерностей технических инноваций (нововведений). Позже (в 1960–1970-х годах) на этой основе оформилась специальная междисциплинарная отрасль научного знания — инноватика, предметом исследования которой является создание, освоение и распространение различного типа нововведений [12].

Сегодня инновации становятся объектом рассмотрения разных наук, каждая из которых изучает специфические проблемы. Так, философия делает акцент на новых знаниях и вариантах разрешения противоречий. Психологи рассматривают возникающие при этом конфликты и исследуют пути их преодоления. Социология сосредоточена на исследовании сущности процесса социальных инноваций, начиная с осознания и прогнозирования общественных потребностей, изучения процесса разработки, освоения, распространения новаций до воплощения их в культурные нормы и образцы.

Понятие инновации — не то же самое, что новация вообще. Й. Шумпетер, автор теории инноваций в экономике, отмечал, что это не просто “открытие” или “изобретение”, а обязательно нововведение прикладного характера [13, с. 692]. Эта характеристика инноваций вплотную подводит к необходимости объединения понятия инновационных процессов с понятием социальных изменений. Речь идет о том, что именно таким образом происходит перевод нововведений из сферы непосредственного опыта в сферу опыта общественно-исторического. Осуществляется он с помощью трансляции “нововведений в систему культурных норм и образцов, подлежащих воспроизводству в процессе их освоения новыми поколениями людей” [14, с. 256]. Конечной целью инновационных процессов является изменение путем инноваций существующих норм и традиций или обеспечение возможности зарождения других традиций и норморегулирования.

Инновационные процессы отнюдь не означают отказа от традиций и в некоторых случаях на них опираются и продолжают их. При этом в структуре инновационной деятельности могут применяться традиционные и уже известные приемы, навыки, механизмы, но в новой комбинации, в нетривиальных условиях и для выполнения иных задач, нежели те, для которых они создавались.

Как видим, во всех предлагаемых подходах и определениях в качестве системообразующего используется понятие нового. Именно борьба между новым и старым выступает движущей силой любого общественного развития. Хотя сами по себе категории “старое” и “новое” не несут аксиологической нагрузки, в конкретном социокультурном контексте они наполняются ценностным содержанием, формируя саму потребность либо в новом, либо в старом. Они всегда имеют историческую природу, поскольку в общественном развитии противоречие между старым и новым раскрывается как соотношение прошлого, настоящего и будущего.

Массовые общественные инновации, по историческим меркам, стали характерным признаком жизни сравнительно недавно. Для человечества скорее характерно существование в инерционных условиях. Наиболее важные инновации были рассеяны во времени, а значит, жизнь конкретного человека чаще всего проходила в стабильном окружении. Более того, учитывая постоянную борьбу старого с новым, в обществах создавались особые механизмы противодействия инновациям, когда, к примеру, радикальные изобретения блокировались путем превращения их в игрушки (как колесо в империи инков) или в развлечения (порох в Китае). Человек больше избегал новизны, нежели стремился к ней. Своеобразие и индивидуальность не поощрялись и в социальном поведении.

Ситуация меняется только с освобождением человека от уз исторически традиционного общества. Инновация становится повседневной реальностью, когда процесс творчества в обществе оказывается чертой повседневности. Следствием роста количества инноваций в единицу времени становится процесс сокращения сегодняшнего дня. Его сущность в том, что для людей одновременно сокращается хронологическое расстояние до прошлого и до будущего, то есть происходит “укорачивание протяженности временных интервалов, в которых мы можем рассчитывать на определенное постоянство наших жизненных отношений” [15, с. 95]. На каждом этапе культурно-исторического развития общество характеризуется определенным балансом между старым, современным и будущим. Инновация в сочетании с традицией образует “современность” — современную науку, экономику, культуру и т. п. Без помощи современного “старое” практически не в состоянии адаптироваться к “новому”. Современное — это старое, становящееся новым, находящееся в состоянии адаптации к нынешнему. В то же время современное — это новое, которое становится старым, габитуализируется. Соответственно, современному присуще принципиальное несовершенство. Вспомним меткую характеристику Ю. Хабермасом модерна как “незавершенного проекта”. Именно современное призвано обеспечивать эволюционное развитие изменяющейся структуры. Любой социум — это определенное пропорциональное сочетание “старого” и “нового”, “прошлого” и “будущего”, “традиционного” и “инновационного”, каждое общество характеризуется собственной мерой в этом сочетании. Вместе с тем инновация как неотъемлемая часть развития функционально обеспечивает во всех общественных измерениях процессы отторжения старого, мобилизации современного и экспансии нового. Сохранение целостности и идентичности социокультурной системы становится возможным благодаря взаимообусловленности инновативности и традиционности.

Традиционное и инновационное репрезентируют не просто сочетание двух граней культуры, а образуют сущностную характеристику процесса ее

существования и развития. Инновация не может возникнуть без традиции, даже если она ее полностью отрицает. Следовательно, любая инновация генетически связана с традицией, вбирает ее в себя. В определенном смысле традиция и инновация выступают не только механизмами развития, но и механизмами становления общества.

Проблема соотношения традиции и инновации изучается в социологии прежде всего в сочетании с проблематикой социальных изменений. Начало разработке концептуальных основ исследования инновационных процессов в социологии положил Г.Тард [16]. Исследуя процессы эволюции общества, он предложил рассматривать отношение общества к изобретениям и инновациям как индикатор социального прогресса. Именно Тард ввел разделение изобретений на новые (совершенствование) и новейшие (непосредственное создание нового), а также развел понятия “изобретение” и “нововведение”.

Согласно Тарду, инновации возникают в ответ на потребности индивида и потребности общества. Индивидуальные потребности он делит на органические и социальные. Удовлетворение первых способствовало появлению таких инноваций, как пользование огнем, строительство жилья, изготовление гончарных изделий. Удовлетворению социальных потребностей содействовало изобретение печатного станка, компаса и т. п. Выделение Тардом особого класса социальных инноваций трудно переоценить. Тем более потому, что до сих пор в массовом сознании, а отчасти и в научных исследованиях понятие “инновация” применяется в основном к “супертехническим” изобретениям. Однако очевидно, что инновация совсем не обязательно должна выражаться в овеществленной форме.

П.Дракер приводит яркий и до сих пор недостаточно осмысленный в социологическом контексте пример социальной инновации, обращаясь к истории Японии. Со времени установления контактов с современным миром Японию всегда недооценивали западники, даже после внезапного появления ее на мировом рынке как экономической супердержавы и серьезного конкурента. Главной причиной этого как раз и была святая вера в то, что инновация должна базироваться прежде всего на достижениях науки и техники. А японцы по всеобщему признанию являлись прежде всего не инноваторами, а имитаторами, поскольку они тогда еще не сделали никаких выдающихся технических или научных открытий. Дракер утверждает, что экономический успех Японии базируется именно на социальной инновации. Основная цель страны заключалась в том, чтобы использовать достижения Запада, оставаясь при этом Японией. А это обеспечивалось не техническими, а социальными инновациями. Японская модель продемонстрировала своеобразное сочетание традиции с инновацией, импорт высоких технологий представлял незначительный риск для культуры нации, поскольку общественные институты имели глубокие культурные корни и постоянно процветали.

Возвращаясь к Тарду, заметим, что именно он обратил внимание и на то, что освоение инноваций, восприятие нового часто происходит не путем приспособления и наследования, а в борьбе между традицией и инновацией. Такая борьба может принимать крайне острые формы и приводить к насильственному или мирному уничтожению иного; к определенному компромиссу (сохранение старой формы при смене сути); подчинению старых форм новым (в языке, религии, законодательстве); появлению другого но-

вовведения, которое, привлекая для достижения своей цели обе стороны противостояния, прекращает их борьбу.

То есть Тард рассматривает инновации как способ разрешения общественных противоречий и восстановления равновесия, стремление к которому является главным стимулом социального прогресса. Инновации порождают новые желания (потребности) и придают прогрессу непрерывный поступательный характер. Статус нововведения инновация приобретает лишь после того, как общественное сознание ее воспринимает и усваивает как социальную ценность. В процессе социализации усваиваются не только традиционные ценности, но и нововведения. Главными механизмами усвоения инноваций являются приспособление, подражание и конфликт.

Важные идеи в плане расширения перспектив введения понятия инновации в социологический контекст принадлежат М.Веберу. Если попытаться классифицировать преобразования, обусловленные различными типами социетальных изменений, то их условно можно разделить на экзогенные, в ходе которых центральный компонент новой модели проникает в общество извне, и эндогенные, наблюдающиеся в том случае, когда общество, не имея возможности получить культурную модель из экзогенных источников, вынуждено разрабатывать ее самостоятельно, как того требуют интересы его социальной системы. Именно к такой ситуации применима знаменитая категория харизматической инновации, сформулированная М.Вебером. Его суждения о классах, сословных группах и религии показывают, как происходит процесс культурного изменения, способный преобразовать ценности социетального уровня, и акцентируют особую роль, которую при этом выполняет харизматическая личность.

В целом в классической социологии идея прогресса и изменений разработана весьма тщательно. Однако, принимая во внимание господство в тот период эволюционного подхода, исходящего из рассмотрения общества в длительной исторической перспективе, а следовательно, не объясняющего социальных процессов и явлений, которые возникают на сжатом историческом отрезке времени, можно констатировать, что внимание исследователей в основном концентрировалось на традиционалистской преемственности как основной закономерности общественного развития. Вопросы инновационности оставались на периферии исследовательского интереса социологов.

Ограниченность классического эволюционизма в XX веке преодолевалась путем поиска новых подходов к социальным изменениям, которые, развивая и обогащая идеи эволюционного подхода, дополняли их новыми аналитическими схемами, заимствованными из смежных наук. Дальнейшая научная разработка понятия инновации связана с теориями циклического развития, которые рассматривали эволюцию общества не как прямой путь прогресса, а как своеобразный закрытый цикл подъема, расцвета и упадка, всякий раз повторяющихся после завершения цикла. Циклические концепции развития общества рассматривают социальные изменения по аналогии с маятником, когда выведенное из равновесия под действием тех или иных факторов общество делает колебательные движения от одной точки к другой, застывая посредине и возобновляя тем самым свою стабильность.

Исходной для дальнейшего развития исследования инноваций стала теория больших экономических циклов Н.Кондратьева. В отличие от К.Маркса, сформулировавшего теорию коротких экономических циклов, которые являются специфичными для стадии промышленного капитализма и состоят в

том, что примерно каждые 10–25 лет в развитых промышленных странах наступает кризис перепроизводства, Кондратьев выдвинул теорию больших экономических циклов, охватывающих периоды в 50–70 лет. За этот период, в зависимости от конкретных национальных и исторических условий, индустриальные страны проходят стадии технологических и экономических инноваций, в начале которых капитал используется предельно эффективно, а затем, по мере истощения ресурсов — амортизации капитала, устаревания технологий и организационно-экономических форм — наступает период более или менее длительного застоя и спада, который завершается возникновением нового экономического цикла. Хотя предметом теоретического исследования Кондратьева были проблемы экономического развития, он показал их важность для социальной жизни общества. По его мнению, это влияние хорошо прослеживается при сравнении периодов “восходящих волн” и “нисходящих волн”. Первые в основном наполнены серьезными социальными потрясениями и поворотами в жизни общества (революции, войны) [17, с. 28–31].

В отличие от теории циклического развития Н. Кондратьева, где проблема инноваций рассматривалась на макросоциологическом уровне, Й. Шумпетер, анализируя циклы экономического развития, привлек к анализу и микроуровень, исследовав роль предпринимателя в инициации инноваций. Предметом его анализа стала ситуация распространения новаций, сохраняющаяся до тех пор, пока новое не станет обычным и реальным, а его восприятие не будет результатом свободного выбора [18].

Хотя и Кондратьев, и Шумпетер теоретизировали преимущественно в плане экономических проблем общественно-исторического развития, а проблеме инноваций исследовали главным образом в контексте изобретений, предпринимательства и т. п., на основе их подходов возникла большая общетеоретическая школа, которая развивает идеи циклического развития в разных контекстах, в частности применительно к развитию общества в единстве экономических, политических и культурных инноваций. Примером такого подхода может послужить концепция больших инновационных циклов А. Ракитова [19, с. 14–34]. По его мнению, кондратьевские циклы — это всего лишь экономическая проекция более универсального процесса, характерного для способа развития современных индустриальных обществ. В этом процессе почти одновременно происходят взаимозависимые фундаментальные социальные инновации, охватывающие все сферы общества: от государства и общественного сознания, культуры и социальной психологии на одном полюсе до экономики, технологии, техники, типов экономического поведения — на другом. Большие инновационные циклы имеют универсальный характер, хотя и по-разному проявляются в истории разных обществ.

Одним из примеров универсального инновационного цикла в XX веке Ракитов считает возникновение, развитие и крушение советской империи. Исходя из понимания инновации как деятельности по принятию и реализации рискованных решений в условиях высокой степени неопределенностей, ориентированной на быстрое достижение целей, какой-либо выгоды, автор предлагает рассматривать построение советского социализма как большой инновационный цикл, объединяющий целый ряд глубоких взаимозависимых и взаимообусловленных инновационных процессов. Они охватывали экономику, технику, технологию, культуру, политику, социально-экономическое поведение, государственный строй, мировоззрение и социальную философию в целом. Создавалась радикальная общественная инновация, целью

которой было построение общества социальной справедливости с господством общественной, а точнее, государственной собственности, в котором рыночные отношения должны быть заменены распределительными, основанными на централизованном планировании и тотальном контроле. Основные реальные цели, которые привели к большому инновационному циклу, были всем хорошо известны: ликвидация частной собственности на основные средства производства, создание в исторически сжатый срок тоталитарного государства — диктатуры пролетариата, переход от хотя и неразвитой, но реальной многопартийной системы к системе однопартийной, с абсолютной монополией власти в руках руководителей единственной политической партии и т. п. Среди важнейших инноваций было также внедрение сплошной регламентации всех сфер жизни в исторически беспрецедентных масштабах.

Завершая обзор инновационных процессов, в целом образующих большой советский инновационный цикл, Ракитов приходит к выводу о том, что вследствие его неудачного завершения возникла потребность в переходе к новому историческому этапу общественного развития, целью которого является восстановление ранее уничтоженного: рыночной экономики, демократических институтов и т. п. Сейчас постсоветские общества переживают период политических, социальных, экономических и технологических кризисов, знаменующих собой завершение инновационного цикла.

Очевидно, что люди, на чью жизнь пришелся этот период, воспринимают изменения, происходящие в постсоветском пространстве, как инновационные, поскольку подавляющее большинство из них не только жили, но и родились при других экономических, культурных, социальных условиях. По мнению Ракитова, изменения в экономической, социальной, культурной сферах невозможны без глубинных изменений в менталитете. Формирование нового, более динамичного и адаптивного менталитета с большим инновационным потенциалом должно стать фактором нового инновационного цикла.

Концептуальные положения в плане рассмотрения общественных изменений в контексте больших инновационных циклов теоретически можно попытаться применить к современному украинскому обществу. По крайней мере с точки зрения макросоциологического подхода в плоскости такой постановки вопроса возникает несколько возможных направлений теоретизирования. Современное украинское общество можно представить как находящееся на этапе завершения большого советского инновационного цикла; как вступившее в цикл постсоветский; или как находящееся в начале большого украинского инновационного цикла, обусловленного радикальной общественной инновацией, направленной на развитие независимого, демократического, социально ориентированного Украинского государства.

Исследуя процессы изменений в постсоветских обществах, социологи часто делают это в контексте проблемы модернизации общества. При этом они подчеркивают, что с самого начала преобразований этот процесс характеризуется отсутствием конкретных национальных концепций модернизации. Скажем, анализируя российский опыт, ученые приходят к выводу, что Россия воспользовалась догоняющей моделью развития страны. Они также констатируют, что подражание западной цивилизации как образцу происходит без учета социокультурных традиций, а значит, наряду с позитивными результатами возникают и препятствия, которые довольно трудно преодолевать. Как справедливо замечает Г. Сатаров, «когда бизнес разрабатывает определенный инновационный проект, то значительная доля усилий ухо-

дит на теоретическую проработку проекта. Когда запускается в космос корабль, считается стоимость собственно запуска, полета и т. д. ... Когда совершается некая социальная инновация — а любая социальная реформа есть социальная инновация, — то последствия непродуманных решений гораздо серьезнее, чем взрыв ракеты. Но можете ли вы хотя бы приблизительно указать, сколько в процентах от стоимости институционального проекта стоит его техническая проработка? Это слабонаблюдаемая величина, она даже не имеет единиц измерения” [20].

Одной из ключевых проблем модернизации является проблема взаимодействия между внедрением новых институтов и реакцией на это социальной ткани, в которую они трансплантируются, то есть взаимодействие между новыми формальными нормами и старыми неформальными нормами и практиками. Препятствия инновациям в ходе институциональных модернизаций возникают и потому, что неформальные нормы и практики не пассивны. В процессе внедрения нового института, новых формальных норм старые неформальные нормы и практики оказывают сопротивление, пытаются либо вытеснить новое, либо реформировать его, либо приспособить под свои задачи.

Нужен концептуальный пересмотр проблемы модернизации, новый парадигмальный подход к ней, который должен учитывать реакцию населения на изменения. А реакция эта может оказаться весьма противоречивой. С одной стороны, социологи констатируют, что путь имитации ведет к заимствованию западных моделей, но не обеспечивает готовности населения жить в этой системе. Препградой внедрению инноваций становится отсутствие персональности (личностной активности и самостоятельности) и доминирование традиций коллективности, что и препятствует инновационным действиям и проектам. С другой стороны, фиксируется изменение макросоциальной модели социального действия. Если раньше это была модель традиционная, опирающаяся на внешний авторитет, внешние традиции, то эмпирические исследования социологов последних лет четко показывают, что основной моделью социального действия в России становится индивидуальный рациональный выбор [20].

В Украине проблемы формирования системного инновационного процесса исследуются в последнее время прежде всего в экономической плоскости. В частности, предпринята попытка проанализировать силы сопротивления, мешающие инновационному пути развития [21]. Рассматривается действие целого ряда экзогенных и эндогенных факторов различной природы. Характерно, что среди них лидирующие позиции занимают те, что связаны с действием традиций. Это, например, традиции, прочно укоренившиеся в производственных процессах. Они подпитывают сопротивление инновациям, поскольку любое отклонение от устоявшихся профессиональных сценариев выполнения работы, как правило, воспринимается в обществе как недостаточный профессионализм, и с помощью налаженной системы “поощрения–наказания” процесс направляется в традиционное, а не инновационное русло. Свою роль в торможении инноваций играют и традиции гуманитарной сферы, сила сопротивления которых связана с формированием устойчивых архетипов в сознании человека, в социальной памяти народа, что составляет основу культурных наслоений, представленных в обществе в виде систем ценностей, охраняемых патриархами от изменений или деформаций. К факторам сопротивления относятся также настроения в обществе, их направленность; отсутствие желания изменений, отсутствие

способности идти на уступки в традициях; наконец, отсутствие экономически активных людей (пассионарного типа), желающих идти на инновационный предпринимательский риск.

Как эндогенный фактор следует рассмотреть тормозящее действие самой инновации. В частности, это может быть слишком быстрый темп инновационного процесса в рамках кризисной фазы переходного периода, в результате чего общественные структуры, без которых невозможно продвижение вперед, не выдерживают революционного напряжения от разрушения устаревших социальных, политических и экономических структур и одновременно с ними разрушаются.

Инновационный процесс, который мы до сих пор рассматривали на макроуровне, реально возникает и воплощается в жизнь на микроуровне. Инновации неотделимы от инноваторов, роль которых в формировании современности сложно переоценить. Представляется справедливым мнение, что «современность поэтому предстает как сложный социальный институт, включающий творческих людей, их общности и объединения, а также — нормы и оценки, в соответствии с которыми эти общности и объединения возникли» [22, с. 66]. Эти люди идентифицируют себя со своим временем и образуют сообщества активных субъектов, которые А.Тойнби называл «творческим меньшинством». Именно их инновационная деятельность служит почвой глубинных культурных трансформаций, обеспечивает модернизацию культурного ядра, являющегося единственно возможным способом сохранения культуры в целом при переходе от одного большого универсального инновационного цикла к другому.

Как же представлен этот личностный тип в современном украинском обществе? Каковы основные черты той группы, которую можно условно обозначить как «инноваторов» в отличие от группы «традиционалистов»? Для ответа на эти вопросы обратимся к анализу данных международного исследования, одним из участников которого стала Украина. (Опрос проведен в феврале 2005 года. В Украине опрошено 2031 человек, выборка репрезентативная по признакам пола, возраста, образования, типу поселения и региону. Научный руководитель проекта в Украине — Е.Головаха.)

За основу для выделения группы инноваторов взяты ответы респондентов на вопрос: *«Для него важно выдумывать новые идеи и быть творческим человеком. Ему нравится все делать по-своему и оригинально — насколько этот человек похож или не похож на Вас?»*. К инноваторам отнесены респонденты, выбравшие варианты ответов «очень похож на меня» и «похож на меня». По тому же принципу формировалась группа «традиционалистов». В нее вошли респонденты, признавшие себя похожими и очень похожими на человека, для которого «важны традиции», который «старается придерживаться религиозных или семейных обычаев». При формировании групп из анализа исключили респондентов, которые одновременно признавали себя похожими на оба предложенных типа.

Оказалось, что группа инноваторов охватывает 13,3% опрошенных, а группа традиционалистов — 38,7%. Чтобы понять, много это или мало, мы обратились к сравнительному анализу данных, полученных в Украине, и результатам опросов остальных участников проекта в других странах.

Сравнение результатов показало, что в целом тип инноватора представлен в украинском обществе в значительно меньшей мере, чем в других европейских странах (табл. 1).

Таблица 1

Распространенность типа инноватора

Страна	Средний балл*	Количество ответов	Стандартное отклонение
Франция	2,34	1702	1,17
Швейцария	2,35	2114	1,11
Венгрия	2,37	1461	1,27
Австрия	2,42	2221	1,18
Дания	2,45	1455	1,25
Люксембург	2,50	1604	1,22
Греция	2,51	2394	1,25
Нидерланды	2,52	1854	1,18
Германия	2,55	2838	1,17
Ирландия	2,57	1186	1,27
Норвегия	2,59	1559	1,13
Бельгия	2,60	1768	1,21
Словения	2,64	1416	1,21
Испания	2,65	1612	1,27
Великобритания	2,67	1866	1,27
Швеция	2,67	1675	1,15
Чешская Республика	2,69	2572	1,25
Финляндия	2,70	1707	1,11
Словакия	2,76	1460	1,21
Исландия	2,77	532	1,24
Польша	2,85	1678	1,25
Португалия	2,96	2029	1,17
Эстония	3,13	1932	1,28
Украина	3,53	1892	1,55
Показатели в целом по массиву	2,66	42527	1,25

* Здесь и далее в таблицах представлены средние баллы, вычисленные по шкале от 1 – “очень похож на меня” до 5 – “совсем не похож на меня”.

Более того, разница между средним баллом по Украине и средними баллами по остальным странам статистически значима на уровне 1%. Подавляющее большинство украинцев склоняется к тому, что они не похожи на человека, для которого важно быть творческим, тогда как в большинстве европейских стран, принимавших участие в проекте, люди тяготеют к констатации своей близости к типу инноватора.

Дополнение психологического портрета другими чертами, свидетельствующими об открытости к новому или о предпочтительности привычного и безопасного, показывает, что зафиксированная нами тенденция имеет постоянный характер и демонстрирует преобладание в ментальности украинцев осторожности и умеренности над склонностью к новому, желанием самостоятельно принимать решения, стремлением к личной независимости. Признаки инновативности, наоборот, выглядят по сравнению с ситуацией в

других странах развитыми лишь частично. Так, в Украине население не слишком радуют сюрпризы и не привлекает постоянный поиск новых занятий (табл. 2). Оно четко позиционирует себя “не похожим” на такой тип людей. Несколько меньше это проявляется в стремлении быть свободным и независимым. Однако и здесь Украина на предпоследней позиции, со значимым отличием от средневропейского показателя.

Таблица 2

**Распространенность психологических характеристик,
способствующих восприятию и продуцированию инноваций**

Ему нравятся сюрпризы, и он всегда ищет, каким бы новым делом заняться				Для него важно принимать решение самостоятельно. Ему нравится быть свободным и независимым			
Страна	Средний балл	Количество ответов	Стандартное отклонение	Страна	Средний балл	Количество ответов	Стандартное отклонение
Словения	2,61	1411	1,24	Швейцария	1,86	2122	0,88
Венгрия	2,70	1462	1,36	Австрия	2,03	2228	1,04
Люксембург	2,70	1614	1,36	Венгрия	2,05	1455	1,10
Франция	2,78	1703	1,35	Германия	2,07	2848	0,90
Греция	2,81	2390	1,36	Словения	2,08	1416	1,04
Бельгия	2,85	1772	1,29	Нидерланды	2,10	1858	0,99
Швейцария	2,86	2117	1,27	Бельгия	2,12	1771	1,02
Нидерланды	2,90	1858	1,26	Греция	2,13	2401	1,06
Финляндия	2,94	1702	1,24	Польша	2,15	1697	1,04
Ирландия	2,94	1185	1,42	Дания	2,17	1463	1,14
Польша	2,94	1689	1,34	Финляндия	2,18	1701	1,00
Испания	2,95	1624	1,45	Великобритания	2,20	1866	1,09
Австрия	2,98	2220	1,35	Ирландия	2,23	1174	1,14
Великобритания	2,98	1867	1,32	Люксембург	2,27	1611	1,22
Словакия	3,02	1464	1,26	Исландия	2,29	531	1,08
Германия	3,04	2844	1,30	Испания	2,30	1636	1,20
Исландия	3,15	532	1,34	Эстония	2,39	1959	1,04
Чешская Республика	3,18	2528	1,38	Швеция	2,46	1682	1,11
Эстония	3,19	1949	1,32	Франция	2,47	1698	1,33
Дания	3,23	1462	1,43	Словакия	2,47	1469	1,09
Португалия	3,26	2033	1,27	Чешская Республика	2,52	2523	1,20
Швеция	3,29	1676	1,27	Норвегия	2,60	1573	1,19
Норвегия	3,34	1559	1,32	Украина	2,62	1954	1,32
Украина	3,64	1917	1,48	Португалия	2,68	2041	1,12
<i>Средний балл по массиву</i>	3,02	42578	1,35	<i>Средний балл по массиву</i>	2,26	42677	1,12

Тем временем среди украинцев более выражена преданность традиции (табл. 3). Хотя Украина и не возглавляет здесь список, но находится в группе наиболее традиционалистских стран, уступая лишь Греции, Польше и Ирландии. Украинцы прежде всего считают себя похожими на людей, для которых важны традиции. Причем и в этом случае различие средних по Украине и по выборке в целом значимо на уровне 1%.

Таблица 3

Распространенность типа традиционалиста

<i>Страна</i>	<i>Средний балл</i>	<i>Количество ответов</i>	<i>Стандартное отклонение</i>
Греция	1,77	2403	0,93
Польша	2,13	1699	1,04
Ирландия	2,32	1184	1,29
Украина	2,48	1952	1,31
Венгрия	2,54	1464	1,34
Словакия	2,56	1468	1,15
Дания	2,65	1461	1,39
Испания	2,67	1636	1,40
Португалия	2,68	2038	1,21
Словения	2,69	1412	1,29
Нидерланды	2,77	1851	1,26
Швейцария	2,79	2128	1,33
Люксембург	2,80	1614	1,43
Бельгия	2,83	1770	1,40
Чешская Республика	2,85	2676	1,36
Великобритания	2,85	1862	1,46
Австрия	2,87	2221	1,39
Германия	2,95	2846	1,37
Финляндия	3,04	1698	1,33
Норвегия	3,05	1576	1,32
Эстония	3,11	1952	1,34
Швеция	3,14	1680	1,38
Франция	3,20	1694	1,58
Исландия	3,35	526	1,40
<i>Показатели в целом по массиву</i>	2,74	42811	1,37

Дополняется образ традиционалиста еще одной психологической характеристикой, отражающей стремление к безопасности и избеганию всего, что может ему угрожать. Как мы уже отмечали, инновация всегда несет с собой новое, что угрожает старому, а значит, содержит элемент неожиданности, а отсюда — возможную опасность. Идентификация с типом, центрированным вокруг вопросов защищенности, могла бы свидетельствовать о не слишком благоприятном психологическом климате в плане восприятия инноваций. Можно было бы ожидать, что высокая традиционность будет сочетаться у населения Украины с выраженным стремлением к безопасности.

Однако оказалось, что подобного сочетания не наблюдается (табл. 4). В отличие от греков, венгров, поляков, ирландцев, которые возглавили список наиболее традиционных и находятся практически на одних и тех же позициях в плане стремления к защищенности, украинцы позиционируют себя подобно финнам, французам, португальцам, швейцарцам, немцам, исландцам, которые также считают, что человек, стремящийся избежать опасности, совсем немного похож на них (с остальными странами различие средних значений на уровне 1%).

Таблица 4

Выраженность стремления к безопасности

<i>Страна</i>	<i>Средний балл</i>	<i>Количество ответов</i>	<i>Стандартное отклонение</i>
Греция	1,62	2402	0,86
Венгрия	1,72	1458	0,93
Польша	2,00	1703	1,02
Ирландия	2,09	1181	1,13
Испания	2,21	1626	1,19
Словения	2,21	1414	1,07
Словакия	2,25	1466	0,99
Чешская Республика	2,28	2584	1,17
Великобритания	2,29	1867	1,20
Люксембург	2,34	1616	1,23
Бельгия	2,37	1771	1,18
Австрия	2,38	2225	1,18
Эстония	2,39	1961	1,06
Финляндия	2,45	1686	1,11
Франция	2,46	1699	1,30
Португалия	2,46	2040	1,19
Украина	2,50	1951	1,33
Швейцария	2,51	2124	1,24
Германия	2,53	2844	1,22
Исландия	2,59	532	1,34
Нидерланды	2,69	1854	1,20
Дания	2,79	1461	1,38
Норвегия	2,93	1560	1,27
Швеция	3,07	1676	1,24
<i>Показатели в целом по массиву</i>	2,37	42701	1,21

Таким образом, констатируем сочетание преданности традиции с невысокой заинтересованностью в новациях как характерную черту психологического портрета украинца. Вместе с тем заметим, что не следует говорить о выраженной закрытости населения к изменениям. Можно предположить, что украинцы имеют лучшие предпосылки для восприятия новаций, нежели для их создания. Очевидно, одной из важных проблем, требующих дальнейшего исследования, является анализ воспроизводства украинским об-

ществом индивидуального инновационного капитала. Хотя общепринято убеждение, что постсоветское пространство насыщено креативными, но не эффективно привлекаемыми к решению общественных проблем специалистами, которые не находят себе достойного применения, вне внимания исследователей остается общая выраженность способности к творчеству и желания обновления у населения в целом. Возможно, одной из проблем современного украинского общества как раз и является недостаточно развитая культурная почва, на которой должно формироваться “творческое ядро” как носитель общественных инноваций.

Литература

1. Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. — М., 1972. — С. 351–369.
2. Цит. по: *Аверьянов В.В.* Традиции и традиционализм в научной и общественной мысли России (60–90-е годы XX века) // Общественные науки и современность. — 2000. — № 1. — С. 68–77.
3. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. — М., 2002.
4. *Данилова Е.Н., Ядов В.А.* Нестабильная социальная идентичность как норма временных обществ // Социологические исследования. — 2004. — № 10. — С. 27–30.
5. *Левада Ю.* Социально-пространственная структура российского общества: центр и регионы // Куда идет Россия... Социальная трансформация постсоветского пространства. — М., 1996. — Вып. 3. — С. 276–285.
6. *Щепаньский Ян.* Элементарные понятия социологии. — М., 1969.
7. Україна–2002. Моніторинг соціальних змін. — К., 2002.
8. *Паніна Н.* Українське суспільство 1992–2006: соціологічний моніторинг. — К., 2006.
9. Социология : Энциклопедия. — Минск, 2003.
10. Энциклопедический социологический словарь. — М., 1995.
11. Культура и культурология : Словарь / Сост. и ред. А.И.Кравченко. — М., 2003.
12. *Пригожин А.И.* Современная социология организаций. — М., 1995.
13. *Трофимова Р.П.* Культуролого-экономический словарь. — М., 2003.
14. Новейший философский словарь / Сост. А.А.Грицанов. — М., 1998.
15. *Люббе Г.* В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем // Вопросы философии. — 1994. — № 4. — С. 94–113.
16. *Тард Г.* Социальная логика. — СПб., 1901; *Тард Г.* Социальные законы. Личное творчество среди законов природы и общества. — СПб., 1906.
17. См. подр.: *Карпова Ю.А.* Введение в социологию инноватики. — СПб., 2004.
18. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. — М., 1982.
19. *Ракитов А.И.* Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. — 1994. — № 4. — С. 14–34.
20. Перспективы российской системной модернизации в 21 веке. — <http://www.politeia.ru/seminar.php?2003-03-27>
21. Проблеми становлення інноваційної політики в Україні. — К., 2004; *Макаренко І.П.* Формування державної інноваційної системи в Україні: проблема безпеки національних інтересів // Матеріали науково-практичної конференції “Утвердження інноваційної моделі розвитку економіки України”. — К., 2003. — С. 406–414.
22. *Пигров К.С.* Современность и революция // Революция и современность. — СПб., 2001. — С. 56–82.